(1)Все мы любили «классного», хотя нельзя сказать, чтобы очень уважали. (2)У нас была странная черта: мы уважали тех, кого боялись. (3)Тех, кто ставил нам «пары» или мог запросто оставить весь класс на шестой урок; тех, кто каждый балл взвешивал на аптекарских весах; тех, кто не забывал задать вопрос о том, чего ты не знал в прошлый раз…

(4)А классный был не такой. (5)Мы знали: его можно уговорить, если очень просить и смотреть при этом влажными, покорными собачьими глазами. (6)Этого он не выдерживал. (7)Или можно по-другому — орать
истерично: (8)«За что, за что двойку ставить? (9)Ведь я же учил, я же учил!» (10)Это было менее безотказно, здесь он мог взорваться. (11)Но и это иногда проходило.

(12)Он нас чуть-чуть опасался. (13)Нет, не побаивался, а опасался. (14)Чуть-чуть опасался. (15)Он не знал, чего от нас ждать… (16)Один раз, ещё до войны, мы испугали его как следует. (17)Тогда он только принял наш класс. (18)Мы тогда начали мычать, хором, всем классом: «Мм-м…» (19)Сначала он не понял, в чём дело, не знал, откуда это идёт, кто виновник… (20)Мычание нарастало, шло всплесками по классу, казалось, даже стены вибрировали. (21)Он беспомощно озирался, хотел закричать, но понял – никто не услышит. (22)Тогда он сел и с печальным изумлением посмотрел на нас. (23)Это был странный взгляд. (24)И мы замолчали.

(25)Он был всегда приветлив и вежлив с нами и чуть ли не с пятого класса называл на «Вы». (26)Он как-то сказал мне на перемене:

(27)— А знаете, в отдельности вы все такие милые, а вот вместе вы иногда превращаетесь в стадо. (28)Когда людей много, количество переходит в качество. (29)Когда их много, они совершают самые неожиданные поступки. (30)Самые героические, а иногда и самые страшные. (31)Как вы думаете?

(32)— Чёрт его знает, − сказал я.

(33)— В том-то и дело, что никто этого не знает, даже чёрт.

(34)Когда началась война, он ходил бледный, притихший и постаревший. (35)Вскоре мы узнали, что он записался в первую группу московского ополчения. (36)Был он нездоров, у него были слабые лёгкие, он имел освобождение от воинской повинности — «белый билет», и даже на смотревшую сквозь пальцы на все человеческие недуги комиссию ополчения он, говорят, произвёл тяжёлое впечатление.

(37)Но он не изменил своего решения. (38)На его последний урок пришло много ребят. (39)Мы ожидали, что он скажет нам что-нибудь на прощание, ожидали каких-то особенных и значительных слов: мы знали, это он умел. (40)Но он ушёл буднично, назвал номера параграфов, заданных на дом, кивнул и только у дверей чуть задержался. (41)Мы встали, нестройно хлопнув крышками парт, он посмотрел на нас и тихо сказал:

(42)— Когда у вас будет новый классный … не устраивайте этого.

(43)Мы поняли, о чём он говорил.

(44)Через месяц он погиб. (45)У него не было родных, и похоронная пришла на адрес школы…

(46)Когда мы ехали в Сибирь, в эвакуацию, в теплушке все лежали неподвижно и каждый думал, о ком хотел: о своих живых и своих погибших. (47)Я думал о классном. (48)Я и теперь часто думаю о нём…

(*по В.И. Амлинскому**)

**Владимир Ильич Амлинский (1935—1989) — советский писатель, журналист. Автор повестей и рассказов о жизни молодёжи.

Источник текста: МИОО: Тренировочная работа по русскому языку 16.04.2014 вариант РУ10801

Среди предложений 12—24 найдите сложноподчинённое предложение с однородным и неоднородным подчинением придаточных. Напишите номер этого предложения.